

Дворовые истории

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный
Дворовые истории

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Дворовые истории / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Уважаемые родители! Эта книга — для чтения всей семьёй. Я написал её с одной простой целью: чтобы ваш ребёнок понял, что доброта — это не слабость, а сила. Что помогать тем, кто слабее — это естественно. Что чудеса не случаются сами по себе — их совершают люди. Герои рассказов — обычные дети. Они не совершают подвигов в привычном смысле. Они просто не проходят мимо: спасают котёнка, выхаживают птичку, делятся с теми, кому холодно и голодно. Читайте эти истории вместе с детьми. Обсуждайте. Спрашивайте: «А как бы ты поступил?» И — верьте: добрые дела, о которых рассказано на этих страницах, обязательно найдут отклик в детском сердце. С уважением, Сергей Диковинный

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

С высоты карниза	5
Птенцов не трогать	8
Первый выход	11
Высокое дело	13
Секретная поляна	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дворовые истории

С высоты карниза

Я — Ворон. Не спрашивайте, как меня зовут. У нас, воронов, имена не приняты. Мы узнаём друг друга по голосу, по наклону головы, по тому, как падаем с ветки, когда ветер слишком сильный. Людям этого не понять — вам нужно всё называть. Поэтому вы называете меня «ворон», и я не обижаюсь. Я живу на карнизе старого дома в самом центре города. Дом этот стоит уже лет семьдесят, не меньше, и за это время я успел изучить каждый кирпич, каждую трещинку, каждую голубятню на чердаке, в которой давно никто не живёт. С моего карниза видно всё. Я вижу двор — тот самый, обычный двор, каких в городе тысячи. В нём есть всё, что положено. Есть песочница, в которой вечно копаются дети и вечно ругаются родители (Не ешь песок!, Отойди от качелей!, Дай девочке лопатку!). Есть качели, на которых визжат так, что у меня перья дыбом. Есть лавочки, на которых сидят бабушки. О, бабушки! Вот уж кого я изучил лучше всех. Они сидят с утра до вечера, и я иногда думаю: неужели им не холодно? Неужели им не надоело? Но нет. Бабушки — это особый народ. Они сидят и смотрят. Они смотрят на мам с колясками, на детей, на собак, на меня. Иногда они мне кидают хлеб, но я

его не ем. Я — ворон, а не голубь. У меня есть достоинство. Им это, кажется, нравится. Во дворе есть мамы с колясками. Они всегда чем-то встревожены. То ребёнок не спит, то ребёнок спит слишком много, то ветер подул не с той стороны. Они ходят кругами, как я вокруг лужи, которую не хочу пить, но всё равно подхожу проверить. Мама с колясками вечно говорят по телефону и кивают головой. Я считаю, что это очень странно — разговаривать с маленьким прямоугольником, который лежит в руке. Но люди так делают постоянно. Есть папы. Они во дворе появляются реже, и ведут себя важно. Они несут пакеты с продуктами, ведут за руку детей и делают вид, что знают, как воспитывать. Часто они останавливаются у подъезда и разговаривают с другими папами. Они говорят о погоде, о ценах, о том, что в наше время было лучше. Когда они так говорят, я хочу каркнуть: В ваше время я тоже был! И ничего лучше не стало! Но они меня не понимают. Им кажется, что я просто каркаю. Ещё во дворе есть мужчина, который выгуливает кота. Да-да, вы не ослышались. Кота. Каждый вечер ровно в семь часов он выходит с ним на прогулку. Кот идёт на поводке, задрал хвост, как флаг. Мужчина — важный, с седой бородой — идёт рядом, как слуга. Кот останавливается у каждого куста и нюхает его. Мужчина терпеливо ждёт. Я думаю, что этот мужчина — очень хороший человек. Потому что только хороший человек способен выгуливать кота. Собаку выгуливать легко — собака бежит за тобой и считает тебя богом. А кот — это кот. Кот считает богом себя, а тебя — своим водителем. Есть влюблённые. Вечером они садятся на лавочку под фонарём, и я наблюдаю за ними сверху. Они говорят тихо, целуются, держатся за руки. Иногда девушка плачет, а парень её обнимает. Иногда парень говорит громко, а девушка молчит. Иногда они смеются, и тогда мне почему-то хорошо. Я не знаю, что такое любовь, потому что мы, вороны, любим по-своему. Но я смотрю на них и думаю: вот ведь чудо — два человека сидят на лавочке и им хорошо. Просто так. Хотя я знаю, что это не просто так. У них всё сложно. А ещё есть пьяные. Куда же без них! Они появляются поздно вечером. Идут, шатаясь, и рассуждают о том, что всё пропало или наоборот всё будет хорошо. Они иногда сидят на той же лавочке, где недавно целовались влюблённые, но видят они не фонарь, а звёзды. И говорят о них. Иногда мне хочется спуститься и сказать им: Эй, я тоже видел много ночей. И поверь мне — завтра будет новый день. Всё будет хорошо. Но они меня не услышат. Они услышат только собственный голос. Я смотрю на всё это сверху. Я вижу больше, чем люди. Я вижу, как дети смеются на качелях, а родители устало улыбаются им. Я вижу, как бабушка гладит по голове внука, а внук убегает играть с друзьями. Я вижу, как мальчик ведёт за руку сестрёнку, которая плачет, потому что упала. Он говорит ей: Не плачь, я же рядом. И я думаю: какой хороший мальчик. Он этого ещё не знает, но он уже стал хорошим человеком. Я вижу, как во двор приходят разные животные. Коты, собаки, голуби. Иногда залетает синица. Иногда приходит ёжик, но ёжик — это почти как призрак: все говорят, что видели, но никто не знает точно. И я тоже. Но я смотрю. Мне нравится этот двор. Я живу здесь давно. Я видел, как рождались дети, как они вырастали, как они возвращались сюда уже с собственными детьми и показывали им: Вот здесь я играл в песочнице. А песочница та же самая. И дом тот же. И я всё ещё здесь. Я видел, как во двор приносили щенков и котят. Как их сначала все гладили, потом забывали, а потом кто-нибудь забирал к себе. Я видел, как зимой дети лепили снеговиков, а весной таяли эти снеговики, и дети грустили, а потом бежали играть дальше. Я видел грустное и весёлое. Я видел, как плакали люди по-настоящему — так, что это чувствовалось даже на моём карнизе. Но сегодня я хочу рассказать вам истории. Не про меня и не про других воронов. У нас, воронов, свои истории, и они вас не касаются. Я хочу рассказать вам про этих людей. Про детей, их родителей, их бабушек, их котов и собак. Про то, как они любят, боятся, надеются и ошибаются. Я сижу на карнизе, и я всё вижу. Вот, например, третий подъезд. Квартира на втором этаже. Там живёт семья: папа, мама, девочка лет семи и мальчик лет двенадцати. Я часто вижу их у окна. Девочку зовут Саша, мальчика — Лёша. Сегодня утром я видел, как Саша копалась в кустах у самого подъезда. Наверное, искала что-то. Или кого-то. А может быть, это начало истории...

Птенцов не трогать

Я сидел на своём карнизе и наблюдал. Утро было раннее, мартовское. Солнце только поднималось над крышами, и лёд на лужах ещё держался — тонкий, хрусткий, как печенье. Я как раз размышлял о том, что весна в этом году какая-то задумчивая, когда увидел её. Саша. Она шла через двор, прижимая к груди что-то маленькое и тёмное. Шла осторожно, как будто несла невесту какое сокровище. Я наклонил голову, чтобы рассмотреть получше. — Ого, — каркнул я сам себе. — Птенец. Да, это был птенец. Маленький, серый, с ещё не расправившимися крыльями. Синица или воробей — сразу и не разберёшь. Он сидел в ладошках Саши, замерший, напуганный, и только иногда вздрагивал всем телом. Саша дошла до лавочки, села. Осторожно, как яйцо, положила птенца на колени. И заплакала. Я смотрел на неё, и мне было одновременно и смешно, и грустно. Смешно, потому что птенец, скорее всего, был жив и здоров. Просто выпал из гнезда. Так бывает. Они выпадают, прыгают раньше времени, а родители потом ищут их, зовут. Они не пропадут, если их не трогать. Но откуда Саше это знать? Она маленькая. Ей семь лет. Она увидела незащищенное существо и решила, что должна его спасти. Это у людей в крови — спасать. Иногда вас это спасает, иногда мешает. Но это всегда сильно. Тут из-за угла дома появился Лёша. Он нёс рюкзак и выглядел так, будто уже опоздал в школу,

но всё равно решил зайти за сестрой.— Сашка, ты чего? — спросил он, подходя ближе. — Мы так в школу не успеем. Саша подняла на него заплаканное лицо:— Лёша, смотри! Она разжала ладони, и брат увидел птенца. Лёша остановился. Посмотрел. Поморщился.— Ой, Саш. Ты зачем его взяла?— Он упал! — выпалила Саша. — Он лежал на земле, и ему было холодно, и он пищал. Я должна была его спасти! Лёша вздохнул. Как умеют вздыхать старшие братья. Смесь усталости и ответственности.— Саш, его нельзя брать. Птенцов не трогают. Понимаешь? Там, наверху, его родители. Они его ищут.— А если он умрёт? — Саша прижала птенца к груди.— Он не умрёт, — Лёша сказал это, но сам не был уверен. Я видел по его лицу. Он стоял, смотрел на сестру, и в голове у него крутилось что-то взрослое и тяжёлое.— А если умрёт? — повторила Саша. Лёша молчал. Он не знал, что ответить. Он был мальчишка, ему двенадцать, и он уже понимал больше, чем хотел. Он понимал, что иногда существа, которых мы хотим спасти, всё равно умирают. И от этого ему было страшно.— Ладно, — сказал он наконец. — Пошли домой. Мама что-нибудь придумает. Только давай его в карман положим, чтобы не замёрз. Саша заулыбалась, вытерла слёзы рукавом и бережно завернула птенца в шарф. Лёша взял её за руку, и они пошли к подъезду. Я проводил их взглядом и подумал: «Эх, люди, люди. Ну почему вы всегда так? Сердцем — любите, разумом — сомневаетесь, а делаете всё равно по-своему».

Дальше я наблюдал из-за карниза. В квартире на втором этаже началась суета. Саша прибежала домой, показала птенца маме. Мама — женщина умная, я таких видел сотни — сразу сказала:— Сашенька, птенцов домой не берут. Саша заплакала снова. Лёша стоял в коридоре, не зная, что сказать. Он переводил взгляд с мамы на сестру и обратно. И тогда мама сделала неожиданную вещь. Она вздохнула, достала из шкафа коробку, постелила на дно тряпку и сказала:— Так. Слушайте меня. Мы сейчас покормим его и пойдём искать его гнездо. Пока светло, есть шанс, что родители его примут обратно. Всё понятно? Саша закивала. Лёша посмотрел на маму с уважением. Они кормили птенца крошками хлеба, размоченными в молоке. Птенец сначала не ел, а потом, видно, проголодался — начал хватать. Саша светила от счастья.— Смотри, он ест! Он будет жить! Лёша смотрел на неё и молчал. А я думал: «Глупые вы, люди. Птенец ест хлеб, потому что голоден, но родителей его надо искать. Родители его — на том дереве, вон там, у третьего подъезда. Я их вижу. Они уже час скачут по веткам и зовут его». Но я не мог им сказать. Я только каркаю. Люди не понимают моего языка. Однако мама Сашки догадалась сама. Она вышла во двор, посмотрела на небо, потом на дерево — и увидела суету.— Смотрите, — сказала она детям. — Вон там, видите? Птица прыгает. Это его мама. Она ждёт. Саша прижала коробку к груди:— Но я не хочу его отдавать! Я его люблю! Мама присела перед дочерью, взяла её за руки:— А ты любишь его? По-настоящему?— Да! — Саша чуть не заплакала снова.— Тогда ты должна сделать так, чтобы ему было хорошо. А ему хорошо будет с мамой. Понимаешь? Саша смотрела на маму, и в её голове что-то переворачивалось. Она была маленькая, но не глупая. Она чувствовала, что мама права. Но отпустить было так трудно. Лёша шагнул вперёд. Он взял коробку, посмотрел на птенца и сказал:— Саш, я с тобой. Пошли вместе. Мы отнесём его к дереву и посадим на ветку. А его мама заберёт его. Я обещаю. Саша подумала, вытерла слёзы и кивнула:— Ладно. Но ты будешь держать меня за руку.— Буду, — сказал Лёша, и я увидел, как он слегка улыбнулся. Так, будто стал чуть взрослее. Они пошли к дереву. Лёша посадил сестру, она посадила птенца на нижнюю ветку, туда, где ему было тепло. Птенец сначала замер. А потом пискнул. И тут с ветки выше сорвалась синица. Села рядом с ним, начала что-то быстро говорить на своём языке. Птенец встрепетул, расправил крылышки — и прыгнул к ней. Саша смотрела на это и улыбалась. И плакала одновременно. Лёша держал её за руку.— Он нашёл свою маму, — сказала она тихо.— Ага, — ответил Лёша. — Пошли домой. Ты ещё в школу не ходила. Они пошли. Синица увела птенца в глубину веток. А я смотрел им вслед со своего карниза и думал о том, как странно устроены люди. Они хотят удержать то, что любят. А когда отпускают — вырастают. Саша в тот день стала немножко взрослее. А

Лёша — ещё чуть-чуть. Их родители даже не заметили, как это произошло. А я заметил. Я всё замечаю. Если вы думаете, что это была история про птенца — вы ошиблись. Это была история про то, как маленькая девочка училась любить по-настоящему. А птенец был просто поводом. Но всё равно я скажу вам, как говорят в нашем вороньем народе: птенцов не трогайте. Они не пропадут. Пропадают только те, кто не верит, что их отпустить — значит спасти.

Первый выход

Апрель. Я люблю апрель. Ещё не жарко, но уже не холодно. Воздух такой, что хочется расправить крылья и просто парить, ни о чём не думая. Люди в апреле тоже меняются. Они начинают чаще улыбаться, снимают шапки и как будто становятся легче. Даже бабушки на лавочках — и те оживают: достают семечки, начинают судачить громче обычного. Но в тот день я заметил во дворе нечто необычное. Из подъезда напротив вышел мальчик. Лет девяти, в смешной клетчатой рубашке, которая была ему великовата. А в руках он держал поводок. На конце поводка — маленький комочек шерсти. Щенок. Я наклонил голову, рассматривая его. Маленький, лапы толстые, как столбики, уши торчат в разные стороны, хвост — колечком. Он шёл, спотыкаясь, останавливался на каждом шагу, нюхал асфальт, снова шёл, потом сидел и оглядывался. Мальчика звали Тим. Я знал его — он жил в этом доме уже года два, но я редко видел его во дворе. Он всегда спешил куда-то с родителями. А теперь вот — сам, с собакой. Тим остановился посреди двора, огляделся. Вид у него был такой, как будто он нёс ответственность за весь мир. Он поправил поводок, наклонился к щенку: — Ну что, Дружок? Гулять будем. Только не бойся. Щенок поднял морду и посмотрел на Тима. И, клянусь, я видел в этом взгляде всё, что нужно: доверие. Полное, безоговорочное доверие. И тут началось. Из песочницы выско-

чила девочка с лопаткой. За ней — ещё двое. Потом от качелей прибежал мальчик в зелёной куртке. Потом ещё девочка, с косичками, которая до этого мирно рисовала мелом на асфальте. Все они окружили Тима и щенка. — Ой, какой маленький! — А можно погладить? — А как его зовут? — А он кусается? — А можно я тоже с ним погуляю? Тим растерялся. Он не ожидал такого внимания. Он прижал щенка к себе, как будто защищая, и сказал: — Э-э-э... Ну... Его зовут Дружок. Он ещё маленький. И он немного боится. — А почему боится? — спросила девочка с косичками. — Он первый раз на улице, — объяснил Тим. — Он вообще впервые вышел из дома. Дети переглянулись. И я вдруг увидел, как они все разом изменились. Шумная орава, которая только что галдела и прыгала, вдруг стала тише. Они смотрели на щенка — и, кажется, понимали. — А что он любит? — спросила девочка с лопаткой. — Он любит молоко. И спать. И когда его гладят. — А покажи, как он спит! — попросил мальчик в зелёной куртке. Тим поставил щенка на траву. Дружок сделал шаг, второй, потом сел, посмотрел на всех своими круглыми глазами... и завалился набок, как будто у него подкосились лапы. Дети засмеялись. Но не зло. А радостно. Удивлённо. — Он устал! — закричал кто-то. — Он маленький! Ему надо домой! — Нет, пусть ещё погуляет! Он первый раз гуляет! Тим поднял щенка на руки, и Дружок ткнулся носом ему под мышку. И тут — я это видел своими глазами — по двору прошло что-то вроде волны. Дети все разом шагнули ближе. Не толкаясь, не споря. Просто приблизились, протянули руки, чтобы погладить. А девочка с косичками сказала: — Он, наверное, боится, потому что он один. И все замолчали. Я смотрел на них, и мне было интересно: что они чувствуют? Что происходит в этих маленьких головах? И я, кажется, понял. Щенок был такой маленький. Такой беззащитный. Такой... как они сами. Дети чувствуют чужой страх лучше взрослых. Взрослые говорят: «Не бойся», «Ничего страшного», «Перестань плакать». А дети просто видят, что кому-то страшно, — и становятся рядом. Тим сел на корточки, поставил щенка на землю. Дружок оглянулся, увидел столько лиц вокруг — и вдруг завилял хвостом. Со всей силы. Как будто понял: эти люди не враги. Эти люди — стая. — Он больше не боится! — закричала девочка с лопаткой. И они все разом заулыбались. Кто-то погладил щенка по голове, кто-то потрогал ухо, кто-то взял поводок. Тим не возражал. Он смотрел на Дружка, и лицо у него было такое, какое я редко вижу у людей: гордое, счастливое и чуть-чуть удивлённое. — Ну что, Дружок, — сказал он тихо. — Пошли гулять? Смотри, как тут много народу. Все тебя любят. Щенок тявкнул — первый раз за весь день. Громко так, звонко. Дети засмеялись и побежали следом. Я смотрел им вслед со своего карниза. Вечером того же дня я видел, как Тим вёл Дружка домой. Щенок шёл уже увереннее. Он останавливался у кустов, нюхал, делал свои щенячьи дела, но уже не спотыкался. Оглядывался на Тима — и шёл дальше. А у подъезда стояла мама Тима и улыбалась. Она, кажется, волновалась — я таких мам сотни видел, они всегда волнуются. Но она смотрела на сына и на щенка, и глаза у неё были добрые. А я смотрел на всё это и думал. Дружок в тот день первый раз увидел двор. Первый раз почувствовал, как пахнет трава и асфальт. Первый раз понял, что мир — большой. А Тим? Тим первый раз понял, что быть хозяином — это не просто держать поводок. Это быть для кого-то всем миром. И дети, которые стояли вокруг, — они тоже что-то почувствовали. Не знаю, что. Может, доброту. Или ответственность. Или просто то, что маленьких и слабых нужно защищать. Мораль этой истории простая, как мой карниз. Любой из нас в первый раз выходит во двор. У кого-то лапы дрожат, у кого-то уши торчат в разные стороны. Всем страшно. И только от добрых рук зависит, станет ли этот выход первым из многих — или последним. А ещё я понял: дети, которые гладили щенка и смеялись, когда он устал, — эти дети вырастут хорошими людьми. Я ворон. Я всё вижу. Я знаю.

Высокое дело

Май. Самое лучшее время для наблюдений. Деревья уже оделись в зелень, солнце греет по-настоящему, и во дворе жизнь кипит с утра до вечера. Я сижу на своём карнизе, шурюсь на свет и думаю: «Хорошо жить!» А потом я увидел Ваню. Ваня — это такой мальчик, лет десяти. Он живёт в четвёртом подъезде, и я часто вижу его с папой. Они всегда что-то мастерят. То табуретку чинят, то велосипед, то ещё какую-то штуковину. У Вани руки вечно в масле или в краске. И он ходит такой довольный. В тот день Ваня вышел во двор с папой. В руках они несли... скворечник. Я чуть с карниза не свалился от удивления. Скворечник был красивый. Аккуратный, из свежих дощечек, с круглым входом, с маленькой палочкой-жёрдочкой под ним. Папа нёс лестницу, Ваня — домик. Они шли к старому тополю, что стоит в центре двора. — Ну что, сын, — сказал папа, — выбирай место. Ваня подошёл к дереву, посмотрел вверх, прищурился. — Вон там, — показал он. — Чтобы солнце было, но не слишком. И чтобы ветки закрывали. Я чуть не каркнул от умиления. Мальчик думал о птицах! О нас! Папа кивнул, поставил лестницу, полез вверх. Ваня подал ему скворечник. Папа прикрутил его проволокой к стволу, проверил — крепко ли. Потом спустился вниз. Они стояли вдвоём и смотрели на своё творение. Скворечник висел высоко, на уровне второго этажа. Красивый, новенький, пахну-

щий деревом.— Ну что, — сказал папа. — Теперь жди новосёлов.— А если никто не прилетит? — спросил Ваня.— Прилетят, — сказал папа. — Куда они денутся? Ты для них такой дом отгрохал. Ваня улыбнулся. И я улыбнулся тоже — по-вороньи, про себя. Эх, Ваня. Если бы ты знал, какие новосёлы к тебе придут! _____ Первыми скворечник заметили воробьи. Они, конечно, вездесущие. Облепили дерево, загомонили, стали заглядывать внутрь. Но воробьи — народ суетливый, им надо всё сразу. Они пошумели, поспорили и улетели — решили, что дом слишком высокий. Потом прилетели синицы. Эти деловитые, без лишних разговоров осмотрели скворечник, посидели на крыше, почирикали между собой. Одна заглянула внутрь, вышла, что-то сказала подруге. И они начали носить туда пух и сухую траву. Я смотрел и радовался.— Молодцы, — каркнул я. — Хорошее место выбрали. Синицы на меня даже не посмотрели. У них была работа. А Ваня? Ваня приходил каждый день после школы. Садился на лавочку напротив тополя и смотрел. Сидел тихо, не подходил близко, не пугал птиц. Он видел, как синицы носят в скворечник травинки, как потом начали вылетать и залетать по очереди, как будто дежурят. Я смотрел на него и думал: «Хороший мальчик. Терпеливый. Таких мало». А потом стало вот что. В одно утро, когда синицы уже всюю обживали своё новое жильё, во дворе появился кот. Вы его знаете. Это тот самый кот, которого выгуливает мужчина с седой бородой. Только в этот раз он был без поводка и без хозяина. Вышел из подъезда, потянулся, зевнул — и вдруг остановился. Его жёлтые глазищи уставились на тополь. На скворечник. На синиц, которые то влетали, то вылетали. Кот сел, облизнулся и начал прикидывать расстояние. Я насторожился. Я-то знал, что котам нельзя верить. Они милые, пушистые, а внутри у них — охотник. Древний, упрямый. Вокруг дерева стояла детская песочница. Кот подошёл, ловко прыгнул на бортик, потом на крышку, потом на нижнюю ветку. И начал карабкаться вверх. Я хотел каркнуть, предупредить синиц. Но они уже заметили. Подняли тревожный писк, вылетели из скворечника и начали кружить над котом, громко ругаясь. А кот лез. Он лез нагло, уверенно, как будто это его дерево. Вот он добрался до середины, вот уже почти у скворечника. Он протянул лапу, целясь в отверстие... И тут ветка под ним затрещала. Я видел, как глаза кота расширились от неожиданности. Он попытался ухватиться за другую ветку, но промахнулся. Лапа скользнула по коре, кот дёрнулся, завис на одной передней лапе, раскачиваясь. Потом подтянулся, перехватился — и повис на толстой ветке, обхватив её всеми лапами. Он замер. Он был высоко. Очень высоко. Даже для кота. И он явно боялся слезть. Я смотрел на это зрелище и чувствовал смесь злорадства и сострадания. Так ему и надо, думал я. Нечего на птиц охотиться. Но всё-таки жалко — он же не со зла, это природа у него такая. Синицы успокоились, увидев, что кот застрял. Они уселись на крышу скворечника и с интересом наблюдали за ним. Как будто говорили: «Что, брат, высоко? А мы тут живём!» А кот жалобно мяукнул. И его услышали. _____ Первой прибежала бабушка из третьего подъезда. Она сидела на лавочке и всё видела.— Ах ты, горе луковое! — всплеснула она руками. — Зачем же ты туда полез! За ней подтянулись другие бабушки. Потом пришла мама с коляской. Потом ещё одна. Потом мальчик с самокатом. Потом девочка с куклой. Потом Вася — сосед снизу, который вечно ворчал, но на самом деле был добрый. Собралась толпа. Все смотрели вверх.— Может, МЧС вызвать? — предложил кто-то.— Ты что! — возмутилась бабушка. — Из-за кота? Смеяться будут! — А может, он сам спрыгнет? — спросил мальчик с самокатом. — Коты же всегда приземляются на лапы.— Он не спрыгнет, — сказал Вася. — Он же трус. Вон как вцепился — лапы не разожмёт. Он так и будет висеть, пока не упадёт от усталости. Кот жалобно мяукнул снова. Громко, на весь двор. И тут я заметил Ваню. Он выбежал из подъезда, с рюкзаком за плечами. Увидел толпу, увидел дерево, увидел кота — и остановился.— Это что, мой скворечник? — спросил он.— Твой, твой, — ответила бабушка. — Кот теперь из-за него на дереве висит. Ваня посмотрел на кота. Потом на скворечник. Потом снова на кота. И вдруг лицо у него стало серьёзным.— Я его сниму, — сказал он.— Ты что! — ахнули бабушки. — Высоко же! — А я умею, — сказал Ваня. —

Я по деревьям лазаю. И у нас лестница есть. Он убежал в подъезд и через минуту вернулся с той самой лестницей, на которой папа вешал скворечник. Вдвоём с Васей они приставили её к стволу. Вася придержал лестницу, а Ваня начал подниматься. Я смотрел, как он лезет — уверенно, цепко, как белка. Вот он добрался до кота. Кот увидел его и замяукал ещё жалобнее — мол, иди скорее! — Ну чего ты, дурачок, — сказал Ваня. — Зачем полез? Синицы тут живут. Им дом нужен. А тебе что, домой не хочется? Он протянул руки к коту. Кот сначала зашипел, потом прижал уши, а потом вдруг понял, что Ваня не враг. И полез к нему на плечо. Ваня чуть не покачнулся, но удержался. Прижал кота одной рукой к груди и начал спускаться. Внизу все заплодировали. Ваня спрыгнул на землю, поставил кота на траву. Кот потряс лапой, огляделся — и гордо пошёл в сторону подъезда, задрав хвост. Даже не обернулся. Как будто так и было задумано. — Ай да Ваня! — зашумели бабушки. — Настоящий спасатель! Ваня улыбнулся и посмотрел вверх. Синицы уже вернулись в скворечник. Одна выглянула из отверстия, почистила клюв и снова спряталась. Как будто ничего и не было. Я смотрел на всё это и думал. Скворечник — это дом. Для синиц — дом. Для кота — недостижимая мечта. Для Вани — дело, которым он гордится. Для всего двора — повод собраться вместе. Иногда то, что мы строим для одних, становится испытанием для других. Но важно не то, что мы построили. Важно — как мы поступаем, когда что-то идёт не так. Ваня не сказал: «Это не мой кот, пусть сам выкручивается». Он сказал: «Я сниму его». Потому что он построил дом для птиц, но сердце у него было для всех. А кот? Кот теперь обходит тополь стороной. Я видел. Он сидит на лавочке, смотрит на скворечник и облизывается. Но больше не лезет. Синицы живут в скворечнике. Я слышал, как они пищат там — выводят птенцов. Всё идёт своим чередом. А Ваня ещё долго потом ходил по двору, и все ему улыбались. Даже бабушки перестали ворчать и стали называть его «наш спасатель». Эх, люди. Хорошие вы всё-таки. Когда захотите.

Секретная поляна

Май. Конец месяца. Самое обманчивое время года. Днём — солнце, тепло, птицы поют. А вечером — бац! — и холодно, и ветер, и мамы кричат из окон: «Надень кофту!» Я это по себе знаю. Мы, вороны, к маю уже привыкли — но каждый год всё равно попадаемся. В тот день я сидел на своём карнизе и лениво наблюдал за двором. День был хороший, тёплый. Дети носились по двору, как угорелые. Кто-то играл в футбол, кто-то прыгал через скакалку, кто-то просто гонял голубей. А потом я заметил странное. Трое детей — Катя, Соня и Миша — сидели на лавочке у самого дальнего угла двора и о чём-то шушукались. Они то и дело оглядывались по сторонам, как будто боялись, что их кто-то подслушает. Потом Катя достала из кармана что-то блестящее, показала другим. Они все разом ахнули, и Миша сказал:— Точно! Никому не говорим! Я наострил уши. В смысле, перья. Мне стало интересно. Дети встали и направились к старому забору, что отделяет наш двор от соседнего. За забором — кусты сирени, заросли, пара старых тополей. Место, куда взрослые не ходят, потому что им туда незачем. А детям — наоборот, очень даже есть за чем. Катя, Соня и Миша оглянулись, убедились, что их никто не видит, — и нырнули в кусты. Я каркнул от удивления. «Вот это поворот! — подумал я. — У них там что-то есть!» Я перелетел на дерево, которое росло рядом с забором, и устроился

поудобнее. Сверху мне было видно всё. Дети пролезли сквозь заросли сирени и оказались на маленькой полянке. И правда — секретная. С трёх сторон — кусты, с четвёртой — старый забор. Никто со двора не увидит, что там происходит. Трава зелёная, мягкая. Ветки сирени склоняются так, что получается что-то вроде шатра. Катя достала из-за пазухи тот самый блестящий предмет. Оказалось — старая стеклянная банка, вымытая и начищенная до блеска. — Смотрите, — сказала она. — Мы положим сюда всё самое важное. Как в настоящий тайник. Соня залезла в карман и достала... красную ленточку для волос. — Я хочу, чтобы она здесь лежала. Это моя самая красивая ленточка. Миша достал камешек. Обычный, серый, с белой полосочкой. Но он сказал: — Это не простой камешек. Я его нашёл, когда мы с папой на речку ездили. Он счастливый. Катя кивнула. Она достала из кармана сложенный листок бумаги. — А тут я написала самое заветное желание. Но смотреть нельзя! Дети переглянулись, и Соня сказала: — Давайте поклянёмся, что никому не расскажем про это место. Никогда-никогда. — Клянёмся! — сказали Миша и Катя. Они положили все свои сокровища в банку, закрыли крышкой и спрятали под кустом сирени, прикрыв ветками. Я сидел на дереве и смотрел на них. И думал: «Эх, дети. У вас теперь есть тайна. Это очень важно. Тайна — это как первое гнездо. Вы его строите сами, прячете от всех и чувствуете себя взрослыми». Они ещё немного посидели на полянке, поговорили о всяком, а потом разошлись по домам — потому что мамы уже звали ужинать.

Неделю спустя. Я заметил, что дети стали часто бегать к забору. Они проверяли свой тайник, сидели на полянке, разговаривали. Иногда приносили новые вещи — то фантик от конфеты, то красивый камешек, то перо. Однажды Соня принесла маленький колокольчик и сказала, что он волшебный. А потом случилось вот что. Я увидел, как Катя идёт к забору одна. Она шла быстро, решительно, и в руках у неё была коробочка. Я наклонил голову — что там? Она раздвинула кусты — и вдруг замерла. На полянке, прямо посреди, сидел котёнок. Маленький, серый, с белыми лапками. Он сидел на траве и жалобно мяукал. Катя подошла ближе, присела на корточки. — Ой, — сказала она. — Ты кто такой? Котёнок посмотрел на неё и замыкал ещё громче. Катя оглянулась. Никого. Она протянула руку, погладила котёнка. Он был худой, грязный, и, кажется, очень голодный. Катя задумалась. Потом достала из кармана бутерброд, который мама дала ей в школу, и покрошила котёнку. Тот набросился на еду. — Ты, наверное, потерялся, — сказала Катя. — Или... ты бездомный? — Она оглянулась по сторонам. — Слушай. Это наша секретная поляна. Тут можно жить, если ты никому не скажешь. Договорились? Котёнок мяукнул и потёрся о её ногу. Катя улыбнулась и погладила его. А я смотрел с дерева и думал: «Интересно, а что скажут её друзья?»

На следующий день Катя привела Соню и Мишу на полянку. Они увидели котёнка — и все разом замерли. — Это кто? — спросил Миша. — Это... наш новый друг, — сказала Катя. — Он живёт здесь. На нашей поляне. — А родители знают? — спросила Соня. — Нет, — сказала Катя. — И не должны узнать. Если они узнают, они заберут его в приют. Или хуже — выгонят. А он здесь никому не мешает, правда? Дети переглянулись. Потом Соня присела на корточки и протянула котёнку руку. — Какой хорошенький... А как мы его назовём? — Дымок, — сказал Миша. — Он серый, как дым. — Дымок, — повторила Катя. — Красиво. И так у них появился секрет внутри секрета.

Прошло ещё несколько дней. Дети приносили Дымку еду. По очереди. Катя — молоко, Соня — колбасу, Миша — кашу. Они гладили его, играли с ним, а потом уходили, чтобы никто ничего не заметил. Но меня-то не обманешь. Я всё видел. А ещё я видел, что Дымок слабеет. Он ел, но мало. Он был слишком маленький, чтобы выжить без кошки-мамы. Он кашлял, чихал, и глаза у него были грустные. Я смотрел на него и думал: «Плохо дело. Ему не хватает солнца и правильной еды. И тепла. Он ночует один на этой поляне, а ночи в мае ещё холодные». Но дети этого не замечали. Они думали, что если они дают ему еду и гладят — значит, спасают. А я, старый ворон, видел, что Дымок тает на глазах. И в один вечер случилось то, что должно было случиться. Дети пришли

на поляну и не нашли Дымка. Они искали его — под кустами, за забором, в траве. Но котёнок исчез.— Он убежал! — сказал Миша.— Он ушёл искать свою маму, — сказала Соня, но голос у неё дрожал. Катя молчала. Она стояла посреди поляны и смотрела на то место, где всегда сидел Дымок. А потом вдруг сказала:— Это я виновата. Надо было сказать родителям. Надо было забрать его домой. А я боялась, что мне не разрешат. И заплакала. Соня обняла её. Миша подошёл и встал рядом. И они все трое стояли посреди секретной поляны и понимали, что их секрет был ошибкой. Не потому, что они хотели скрыть Дымка. А потому, что они боялись сказать правду. А я сидел на дереве и смотрел на них. И знал: это важный момент. Дети решали, как поступить. Они могли сделать вид, что ничего не было. А могли... признаться. И они решили.

На следующий день Катя подошла к маме и сказала:— Мам, я должна тебе кое-что рассказать. У нас с Соней и Мишей есть секретное место. За забором. И мы нашли там котёнка. Мы его кормили, но он пропал. Я боюсь, что он заболел или что с ним что-то случилось. Ты не ругайся. Пожалуйста. Мама посмотрела на Катю. Усталую, виноватую. И вместо того чтобы ругаться, обняла её.— Катя, ты молодец, что рассказала. Пойдём искать твоего котёнка. Вместе. Они вышли во двор. За ними — Соня с мамой, Миша с папой. Взрослые не ругались. Они поняли, что дети сделали всё, что могли. Просто им не хватило смелости. Искали долго. Обшарили весь забор, все кусты. И уже хотели уходить, когда Миша вдруг закричал:— Смотрите! Под старым тополем, в куче листьев, лежал Дымок. Он был жив — но еле дышал. Глаза закрыты, лапки поджаты. Катя прижала его к груди и заплакала. Но уже не от горя — от облегчения. Потому что теперь она была не одна. Дымка забрали домой к Мише. У него уже был кот — старый, ленивый Барсик. Барсик сначала зашипел на нового, а потом принял. Коты — народ гордый, но справедливый. Дымок поел, напился молока и уснул в коробке с тёплой тряпкой. А Миша сидел рядом и гладил его.

Через неделю я видел, как дети играют во дворе с Дымком. Он уже бегал, прыгал и гонял банку из-под сметаны. Был пушистым, чистым и счастливым. Катя, Соня и Миша теперь не ходили на секретную поляну. Тайник с банкой остался под кустом сирени — их детский секрет. Но они больше не скрывали друг от друга ничего важного. Я смотрел на них с моего карниза и думал. Секретная поляна — это хорошо. У каждого ребёнка должно быть место, где он чувствует себя свободным. Но настоящая свобода — не в том, чтобы прятаться. А в том, чтобы уметь сказать правду тем, кто тебя любит. Дымок выжил не потому, что дети спрятали его. А потому, что они нашли в себе смелость признаться, что им нужна помощь. Вот так. Котёнок научил их тому, что не умеют объяснить даже родители. Эх, люди, люди. Вы всё усложняете. Но сердце у вас — правильное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.